

УДК 811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО**

© 2011 г.

*А.Ю. Малафеев*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижегородский филиал

amalafeev@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2011

Анализируются особенности концептуализации времени и пространства в поэтических текстах Арсения Тарковского. Раскрывается содержание авторского концепта 'дом'.

Ключевые слова: концептуализация, категории времени и пространства, индивидуально-авторская картина мира, анализ концептуального смысла текста.

Специфика поэтической речи – её образность, емкость, экспрессивность – обуславливает необходимость «декодирования», интерпретации поэтического текста читателем. Как отмечает С.А. Борисова, при этом происходит общение сознаний реципиента и автора [1, с. 8]. Такое общение становится возможным при условии, что поэтический текст «как правильно организованная форма коммуникации, как сообщение, уже содержит в себе самом некие единицы, средства, сигналы и т.п., достаточные и необходимые для построения на его основе правильной и осмысленной модели» концептуального смысла текста [2, с. 72-81].

Однако эффективная языковая экспликация концептуально значимого содержания в поэтическом тексте ещё не приводила бы к адекватному восприятию этого содержания реципиентом, если бы в сознании автора и читателя не было общих ментальных структур – концептов и категорий. Эти ментальные структуры можно условно подразделить на несколько иерархически организованных уровней: общечеловеческие, религиозные, национальные, а также частные, то есть присущие определенным группам людей, выделяемым по гендерному, социальному, культурному, профессиональному и другим признакам. Однако следует отметить, что так называемый «компетентный читатель», в принципе, может и не принадлежать к той или иной из вышеперечисленных групп, но при этом адекватно воспринимать информацию, рассчитанную на представителей именно этой группы. Уровень его образования и культуры позволяет ему верно интерпретировать «единицы, средства и сигналы», объективирующие

смысл в тексте, и даже «достраивать» в своем сознании концептуальное содержание, передача которого входила в авторскую интенцию, интуитивно заполняя пробелы в своих знаниях или опыте при помощи творческой интерпретации текста. Этот процесс является, по сути, не чем иным, как формой познания мира через восприятие письменной речи [3].

Категории времени и пространства относятся к общечеловеческим (что, разумеется, не отменяет ни национальной, ни индивидуально-авторской специфики их восприятия) и играют одну из ключевых ролей в процессе познания мира, а также экспликации знаний о мире в тексте. Эти категории выступают своего рода системой координат для человеческого сознания, позволяя упорядочить предметы и события в мире, и являются ментальной основой экспликации концептуальных смыслов в поэтическом тексте. В свете сказанного продуктивным представляется когнитивный анализ поэтического текста с опорой на особенности концептуализации и категоризации времени и пространства. С анализа конфигурирующего уровня, который «структурирует пространственные, временные характеристики, а также участников ситуации», предлагает начинать анализ текста Ж.Н. Маслова [4, с. 215]. Причем, по мнению автора методики «Когнитивная основа текста», «репрезентация временных характеристик схожа с репрезентацией пространственных характеристик, следовательно, они должны рассматриваться вместе» [4, с. 215].

Анализ концептуализации и категоризации времени и пространства в поэтических текстах может быть направлен на достижение различ-

ных целей. Изучение творчества одного автора позволяет делать выводы об индивидуальных особенностях сознания данной языковой личности, а также об используемых ею когнитивных механизмах текстопорождения. С другой стороны, сравнительный анализ на базе творчества нескольких поэтов может быть использован для выявления некоторых общих свойств поэтической картины мира.

В данной публикации раскроем особенности концептуализации времени и пространства в творчестве Арсения Тарковского (1907–1989). Анализ поэтических текстов¹ этого автора показал, что указанные категории осмысливаются им не только как бытийные, но и как психологические. Другими словами, создаваемый автором виртуальный пространственно-временной континуум всегда эмоционально окрашен и не является простой «системой координат».

Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения Тарковского «Звездный каталог»: *В каталоге десять миллионов / Номеров небесных телефонов, / Десять миллионов номеров / Телефонов марев и миров, / Полный свод свеченья и мерцанья, / Список абонентов мироздания / <...> Пережду я очередь земную / <...> Запоёт мембрана телефона / Отвечает альфа Ориона / Я в дороге, я теперь звезда, / Я тебя забыла навсегда. / Я звезда – денница сестрица, / Я тебе не захочу присниться, / До тебя мне дела больше нет. / Позвони мне через триста лет.* Нами выделены те лексемы, которые наиболее активно участвуют в экспликации концептуального содержания текста и при этом имеют отношение к категориям времени и пространства. Лексико-семантическая группа с доминантой «космос», в которую входят лексические единицы *небесный, марево, миры, свод, свечение, мерцание, мироздание, земной, альфа Ориона, звезда*, используется автором для нагнетания «звездной» семантики в тексте. Авторская интенция достаточно ясна: в стихотворении о разлуке с бывшей возлюбленной с помощью этих единиц подчеркивается «космическая» отдаленность лирического героя от объекта его любви и невозможность воссоединения.

С другой стороны, лексемы с временной семантикой (*пережду, очередь, теперь, навсегда, больше, через триста лет*), несколько менее частотные в тексте, но не менее значимые, служат для выражении другого рода отдаленности – временной. Так, лирическому герою приходится *переждать земную очередь* для того, чтобы связаться с возлюбленной, но она говорит ему о произошедшем в ней необратимом изменении: *Я теперь звезда, До тебя мне дела*

больше нет и Я тебя забыла навсегда. Последняя строка стихотворения звучит как приговор для лирического героя: *Позвони мне через триста лет.* Срок в триста лет, возможно, не так значителен в космическом масштабе, но для человека он многократно превышает время его земного существования, поэтому возлюбленная словно смеется над лирическим героем, повергая его в отчаяние. Следует также отметить, что созданию образа способствует и характерное использование видовременных форм глаголов: *забыла* (прошедшее время, совершенный вид) усиливает необратимость изменения расположения возлюбленной к лирическому герою, тогда как *не захочу* (будущее время, совершенный вид) подчеркивает невозможность воссоединения в будущем.

Из проведенного краткого анализа стихотворения вытекает вывод о том, что в авторском сознании время и пространство эмоционально окрашены и осмысливаются не только экзистенциально. Действительно, образное представление возлюбленной как бесконечно далекого небесного светила успешно выполняет функцию экспликации таких эмоций, как горечь, тоска, безнадежность, хотя автор и не использует лексем с подобной эмоционально-экспрессивной семантикой.

Это далеко не единственный пример подобного осмысления категорий времени и пространства, эксплицированного в поэтических текстах Тарковского. Не менее характерен отрывок из первого стихотворения цикла «Могилы поэта»: *За мёртвым сиротливо и пугливо / Душа тянулась из последних сил, / Но мне была бессмертьем перспектива / В минувшем исчезающих могил.* Как видно уже из названия цикла, речь в нем идет о переживаниях лирического героя в связи со смертью поэта (эпиграф к циклу – *Памяти Н.А. Заболоцкого*). Своеобразие этих строк в том, что в них в синтагматические связи вступают лексемы как с временной (*бессмертьем, минувшее*), так и с пространственной семантикой (*тянуться, перспектива*). Следует отдельно пояснить употребление глагола *тянуться*, поскольку он имеет и временное значение (которое реализуется, например, в предложении «Время тянулось однообразно»), но в этом контексте употреблен автором как возвратный глагол движения в пространстве.

Тесная синтагматическая связь приведенных лексем указывает на то, что сознание автора может воспринимать пространственно-временные характеристики синкретично. Именно поэтому он находит возможным экспликацию концептуального смысла через создание слож-

ного образа, в котором пространство сливается со временем: душа лирического героя тянется *за мёртвым*, но видит лишь *перспективу исчезающих в минувшем могил*. Очевидно, что в авторскую интенцию входило образное изображение, во-первых, душевной тоски по ушедшему поэту (этому способствует употребление наречий *сиротливо*, *пугливо* и устойчивого выражения *из последних сил*) и, во-вторых, острого переживания страха смерти — о последнем свидетельствуют заключительные строки стихотворения: *Без всякого бессмертья, в грубой прозе / И нагоде стояла смерть одна*. Таким образом, лексемы с пространственно-временной семантикой (*бессмертье*, *минувшее*, *тянуться*, *перспектива*) выполняют в тексте эмотивную функцию, из чего можно сделать вывод об эмоциональном восприятии автором категорий времени и пространства.

Синкретичное восприятие времени и пространства проявляется в отрывке из стихотворения «Песня»: *Давно мои ранние годы прошли / По самому краю, / По самому краю родимой земли, / По скошенной мяте, по синему раю, / И я этот рай навсегда потеряю*. В данном тексте актуализируются сразу два словарных значения глагола «пройти» — временное («годы прошли») и значение движения в пространстве («прошли по краю»). Средством гиперсемантизации глагола является контекст, в котором активизируются двунаправленные синтагматические связи: с одной стороны, с подлежащим, выраженным существительным с временной семантикой *годы*, и, с другой стороны, с однородными обстоятельствами места. Таким образом подчеркивается сожаление об ушедшей молодости и тоска по родной земле. Экспликация эмоционального содержания способствует также употребление глагола совершенного вида *пройти* в форме прошедшего времени, что усиливает ощущение невозвратности былых времен. Кроме того, вспомогательными средствами создания образа, также выполняющими эмотивную функцию, являются лексический повтор (*По самому краю, / По самому краю*), употребление однородных обстоятельств (*По самому краю родимой земли, / По скошенной мяте, по синему раю*), существительного с сильной оценочной коннотацией *рай*, а также словосочетания *навсегда потеряю*. Последнее, кстати, свидетельствует о смене перспективы, позиции авторского «Я»: в начале отрывка лирический герой смотрит в прошлое из настоящего (*Давно мои ранние годы прошли*), но затем он как бы переносится мыслью во времена своей молодости и с сожалением «пророчествует»: *И я этот рай навсегда потеряю*.

Следует отметить, что сознание автора выделяет в пространственно-временном континууме отдельные хронотопы, являющиеся ключевыми концептами в индивидуально-авторской картине мира. Одним из наиболее значимых является концепт **дом**. Рассмотрим примеры текстов, в которых он эксплицируется в тесной связи с категориями времени и пространства.

Так, в стихотворении «Дом напротив» характерны следующие строки: *Ломали старый деревянный дом. / Уехали жильцы со всем добром — / <...> Старик взглянул на дом с грузовика, / И время подхватило старика, / И все осталось навсегда как было. / <...> Остались в доме сны, воспоминанья, / Забытые надежды и желанья. / Сруб разобрали, бревна увезли. / Но ни на шаг от милой им земли / Не отходили призраки былого / И про рябину песню пели снова, / На свадьбах пили белое вино, / Ходили на работу и в кино, / Гробы на полотенцах выносили, / И друг у друга денег в долг просили, / И спали парами в туховиках, / И первенцев держали на руках, / Пока железная десна машины / Не выгрызла их шелудивой глины, / Пока над ними кран, как буква Г, / Не повернулся на одной ноге*. В данном тексте описывается снос старого дома и переезд жильцов на новое место. Жильцов как бы уносит время (*И время подхватило старика*), но при этом дом непостижимым призрачным образом (*призраки былого*) продолжает своё существование вместе со всеми жильцами (*И все осталось навсегда как было* и далее) — возможно, лишь в памяти и воображении лирического героя. Оказывается, что дом в сознании автора — это не просто сруб и брёвна, и даже не его жильцы, а ещё и *сны, воспоминанья, / Забытые надежды и желанья*. Дом таинственным образом оказывается связанным с определенным местом в пространстве (*Но ни на шаг от милой им земли*), его невозможно просто так переместить. Кроме того, у дома есть определенный период существования во времени — своего рода жизненный цикл — это видно из четырех заключительных строк стихотворения, в которых употребление союза *пока* указывает на окончание жизни дома. Вероятно, на месте, где когда-то стоял старый дом, был построен новый, что окончательно прекратило существование, пусть и призрачное, старого здания. Таким образом, из текста следует, что в сознании автора дом — это нечто вроде слепка с определенного фрагмента пространственно-временного континуума.

Несколько иное осмысление концепта **дом** эксплицировано в тексте стихотворения «Дом без жильцов»: *Дом без жильцов заснул и снов не*

видит. / Его душа, безгрешна и пуста, / В себя глядит закрытыми глазами, / Но самое себя не сознает / И дико вскидывается, когда / Из кра-на бульба шлепнется на кухне. / Водопровод молчит, и телефон / Молчит. / Ну что же, спи спокойно, дом, / Спи, кубатура-сирота! Вернутся / Твои жильцы, и время в чем попало – / В больших кувшинах, в синих ведрах, в банках / Из-под компьютера – принесут, и окна / Отворят, и продуют сквозняком. / Часы стояли? Шли часы? Стояли. / Вот мы и дома. Просыпайся, дом! В данном тексте дом антропоморфичен: ему приписывается наличие души и способность спать (см. первые две строки стихотворения). Через метафору сна автор эксплицирует сложный концептуальный смысл, связанный с пространственно-временным осмыслением концепта **дом**: после отъезда жильцов его пространство превращается в зону остановившегося времени. Когда же обитатели дома возвращаются, они *приносят время* с собой и дом «просыпается». При этом остановившееся время (*Часы стояли? Шли часы? Стояли.*) возобновляет свой ход. Таким образом, в этом стихотворении, как и в предыдущем, дом осмысливается как нечто живое. Однако различие этих двух текстов проявляется в темпоральном плане существования дома после отъезда жильцов. В предыдущем стихотворении дом замыкается во времени после отъезда его обитателей, он становится «призраком», и в нем повторяются события из былой жизни его хозяев. Этой временной «петле» можно противопоставить приостановку времени в стихотворении «Дом без жильцов». Вероятно, в последнем случае время лишь замирает потому, что жильцы должны вскоре вернуться – они не переезжают навсегда, а скорее всего, только уезжают в отпуск (отсюда – привезенные ими кувшины, ведра, банки).

Восприятие Тарковским дома как своего рода отпечатка жизни его обитателей в определенный период времени проявляется и в стихотворении «У лесника». Приведем наиболее концептуально значимый отрывок стихотворения: *Лесник меня прячет в избе, / Сижусь я за кружкою чая, / И кажется мне, что к себе / Попал я, по лесу блуждая. / Открыла мне память моя / Таинственный мир соответствий: / И кружка, и стол, и скамья / Такие же точно, как в детстве. / Такие же двери у нас / И стены такие же были.* Специфика данного примера в том, что лирический герой вдруг осознает чужой дом своим собственным (*И кажется мне, что к себе / Попал я*). Причина этого – воспоминания о детстве (*Открыла мне память моя*) и узнавание знакомых предметов в обстановке чужого

дома (*Таинственный мир соответствий* и далее). Эпитет *таинственный* подчеркивает необычность происходящего, ведь лирический герой находится всё же в чужом жилище. Впечатление от *мира соответствий* настолько сильно, что лирический герой неожиданно приходит к полному отождествлению лесника с собой: *Цигарку свернет и в окно / Моими посмотрит глазами.* Последнее можно интерпретировать как признак особого восприятия автором дома. Дом – это мир, неразрывно связанный с людьми, живущими или жившими в нем. Более того, существование, пусть и виртуальное, этого мира может обуславливаться воспоминаниями его бывших обитателей, даже если они находятся вне дома. Людям достаточно лишь обнаружить близкие соответствия в обстановке чужого дома, и они словно перемещаются во времени и пространстве в свой собственный мир.

Анализ поэтического творчества Арсения Тарковского выявил некоторые особенности концептуализации времени и пространства в индивидуально-авторской картине мира этой языковой личности. Рассмотрение этих особенностей позволяет выявлять специфику некоторых ключевых концептов, присущих авторскому сознанию. Так, концепт **дом** часто осмысливается в творчестве автора через категории времени и пространства. Дом в картине мира А. Тарковского – это замкнутый «живой» мир, существующий в определенной эпохе и определенном пространстве и отождествляемый с ними. Неотъемлемой частью этого мира являются также его обитатели, без которых невозможна его полноценная «жизнь».

В заключение следует отметить, что анализ концептосферы поэтического творчества Тарковского через призму осмысления автором категорий времени и пространства позволит выявить содержание и таких ключевых концептов индивидуально-авторской картины мира, как **бессмертие, жизнь, смерть, странствия, творчество** и др.

Примечание

1. См.: Тарковский А.А. Стихотворения // Серия «Семигранная библиотека поэзии» М.: ЭКСМО, 2009. 480 с.

Список литературы

1. Борисова С.А. Пространство текста и его конституенты // Язык. Культура. Коммуникация / Отв. ред. проф. С.А. Борисова. Ульяновск: УлГУ, 2007. С. 4–11.

2. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72–81.
3. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 346 с.
4. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 280 с.

CHARACTERISTIC FEATURES OF TIME AND SPACE CONCEPTUALIZATION IN ARSENY TARKOVSKY'S POETRY

A.Yu. Malafeev

The article analyzes characteristic features of time and space conceptualization in Arseny Tarkovsky's poetry. Based on this analysis, the article examines the nature of the author's concept of *home*.

Keywords: conceptualization, categories of time and space, author's individual worldview, analysis of conceptual meaning of the text.